

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Мосейко В. В.¹,

Калининградский государственный технический университет
(Калининград, Россия)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИИ: АНАЛИЗ НЕРАВЕНСТВА

В данной статье представлен анализ пенсионного неравенства в системе современного государственного пенсионирования в России. Цель работы — выявить пенсионное неравенство на каждой стадии формирования пенсионного блага и показать связь между пенсионным неравенством и реализацией механизма пенсионных предпочтений в системе государственного пенсионирования. В рамках поставленной цели кратко рассматривается эволюция концепций о социальном неравенстве, изучаются его причины. Автором предложено рассматривать пенсионное неравенство как субъектные дифференциации, возникающие в процессе формирования и получения пенсионного блага. В исследовании анализируются факторы, которые способствуют возникновению деприваций как в процессе формирования пенсионных прав, так и на этапе получения пенсионного блага. В результате проведенного анализа были выявлены многочисленные проявления пенсионного неравенства на разных стадиях пенсионного процесса, а также обнаружена связь между отдельными формами пенсионного неравенства и политикой пенсионных предпочтений. Выводы и предложения, сформулированные в данной работе, могут быть использованы для дальнейшего исследования отдельных аспектов пенсионного неравенства.

Ключевые слова: пенсионирование, пенсионное обеспечение, пенсия, пенсионное благо, неравенство.

PENSION PROVISION IN RUSSIA: THE ANALYSIS OF INEQUALITY

The article provides the analysis of pension inequality in the system of modern state pension provision in Russia. The purpose of work is to reveal pension inequality at each stage of forming pension good and to show the correlation between pension inequality and the implementation of pension preferences mechanism in the system of state pensioning. The paper briefly considers the evolution of social inequality

¹ Мосейко Виктория Владимировна, к.э.н., доцент института финансов, экономики и менеджмента; e-mail: vimoseiko@gmail.com

concepts and studies the reasons for social inequality. The author views pension inequality as the subject differentiations arising in the course of forming and receiving pension good. The research analyzes the factors which entail deprivations both in the course of forming pension rights and receiving pension good. The analysis reveals numerous manifestations of pension inequality at different stages of pension process and identifies the correlation between particular forms of pension inequality and pension preferences policy. The paper offers conclusions and recommendations that can be used for further examination of particular aspects in pension inequality.

Key words: pensioning, pension insurance, pension, pension good, inequality.

Введение

Пенсионные системы, появившиеся в результате поиска возможностей для обеспечения людей с ограниченной трудоспособностью, на современном этапе, кроме прочего, призваны снизить социальное неравенство в обществе за счет улучшения уровня и качества жизни пенсионеров. По мере развития государственных форм пенсионирования произошло усложнение социальной структуры группы пенсионеров. Различия в условиях формирования и получения пенсионного блага определили направления в пенсионной дифференциации и особенностях неравенства пенсионеров.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях разнородных правил российского пенсионирования, сформировавших особую социальную структуру.

Руководствуясь методологией ВОЗ, в рамках данного исследования рассматриваются различные возрастные группы: от 25 до 44 лет — молодая группа, 44–60 лет — средняя группа, 60–75 лет — пожилая группа¹, но с менее жесткими границами, что вызвано особенностями пенсионного процесса: в частности, гендерным отличием пенсионного возраста в Российской Федерации и возможностями досрочного выхода на пенсию.

Цель работы — обнаружить пенсионное неравенство на разных этапах формирования пенсионного блага и выявить связь между пенсионным неравенством и реализацией политики пенсионных привилегий. В рамках поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретические основы социального неравенства; проанализировать государственное регулирование экономики и социальных отношений как одну из причин социального неравенства; выделить

¹ По методологии ВОЗ выделяются следующие возрастные группы: от 25 до 44 лет — это молодой возраст, 44–60 лет — это средний возраст, 60–75 лет — пожилой возраст, 75–90 лет — это старческий возраст, а после 90 — это долгожители.

категорию «пенсионное неравенство» как один из видов социального неравенства и рассмотреть его формы в процессе формирования и получения пенсионного блага с учетом возможностей различных возрастных групп; выявить влияние механизма пенсионных привилегий на формирование пенсионного неравенства.

Теоретические основы социального неравенства

В самом общем виде неравенство означает дифференциацию индивидов и социальных групп из-за неодинакового доступа к ограниченным ресурсам, в качестве которых Э. Гидденс рассматривает материальные ресурсы [Гидденс, 1999, с. 151–179], другие исследователи добавляют к этому ограниченные ресурсы духовного потребления [Шкаратан, 2012, с. 38], среди которых чаще всего называют такие социальные блага, как власть и престиж [Смелзер, 1994, с. 274; Штомпка, 2005, с. 349], степень могущества, престиж профессии, образование, религиозную традицию и принадлежность к определенным родственным или этническим группам [Barber, 1984], конкуренцию между человеческим физическим капиталом и социальным капиталом, взаимодействие семьи и образование [Эспинг-Андерсен, 2008, с. 256].

В условиях разнообразия взглядов на сущность социального неравенства и причин его возникновения появились многочисленные теории социального неравенства. Н. Смелзер выделяет следующие теории неравенства: функционализма, в рамках которых неравенство формируется вследствие выбора рода деятельности, одаренности (Э. Дюркгейм), а также выполнения социальных функций (К. Дэвис, У. Мур); теории конфликта, где конфликт между господствующим и эксплуатируемым классом зависит от преобладания того или иного вида экономической организации (К. Маркс), от тенденции к концентрации власти (Микельс), от характера власти (Дарендорф); а также теории, которые в качестве причин неравенства рассматривают власть, богатство и престиж (М. Вебер), репутацию (Уорнер), власть и привилегии (Трейман) [Смелзер, 1994].

В работах начала XXI в. в качестве источников неравенства стали все чаще называть образование и специфику интеллектуального труда [Кругман, 2009; Иноземцев, 2000; Стиглиц, 2015; Фукуяма, 2007], технологический прогресс [Стиглиц, 2015], смену политического курса [Кругман, 2009; Стиглиц, 2015], глобализацию [Сен, 2004], финансовый сектор [Galbraith, 2012; Стиглиц, 2015] и рассматривать социальное неравенство как явление многофакторное. Так, в качестве ключевых источников современного неравенства в США Дж. Стиглиц выделяет рентоориентированное поведение отдельных хозяйствующих субъектов, поощряемое государством; отраслевые сдвиги и технологические

изменения; глобализацию; снижение количества профсоюзов; экономическую дискриминацию; нестабильность в экономике; недостаточность социальных выплат; безработицу [Стиглиц, 2015].

Найти главную и универсальную причину неравенства невероятно сложно. Не исключено, что с развитием общества будут возникать все новые основания, порождающие социальную дифференциацию.

Государственное регулирование экономики и социальных отношений как причина социального неравенства

Существует два взгляда на влияние государственного регулирования. Первая позиция сводится к недостаточности государственного регулирования и к его неправильной организации (наиболее хорошо развито в трудах кейнсианского направления), вторая — рассматривает государственное управление как вредное с точки зрения деформации процессов, протекающих в социально-экономической сфере (либеральная экономическая мысль).

Один из адептов современного кейнсианства Дж. Стиглиц считает, что неравенство *«в самом широком смысле есть результат политики правительства, которая формирует его посредством технических изменений, а также экономических и политических механизмов»*, и его главным источником *«являются управленческие ошибки в макроэкономике и их последствия»* [Стиглиц, 2015, с. 118].

Справедливости ради следует заметить, что мысли о государстве как инструменте ликвидации бедности и социального неравенства высказывались и в докейнсианскую эпоху. Поиск способов улучшения жизни и быта беднейшего населения привел к формированию концепции социального государства [Назар, 2013], практически воплощенной в моделях государственного устройства послевоенного периода. Важнейшим способом преодоления социального неравенства в социальных государствах стал механизм перераспределения, предполагающий жесткое регулирование труда, социальную защиту и социальное страхование, прогрессивное налогообложение. Большинство современных экономистов считают перераспределительные механизмы объективно необходимыми, что предопределяет популярность социального инжиниринга в вопросах снижения уровня социального неравенства: анализируются отдельные компоненты, связи перераспределения в целях поиска наиболее эффективных моделей. П. Кругман, к примеру, обращает внимание на снижение неравенства в середине XX в. в США благодаря изменившемуся политическому курсу в социальной и налоговой политиках [Кругман, 2009, с. 134]. Дж. Ролз считает справедли-

вым неравенство в заработной плате после уплаты налогов и получения государственных трансфертов в той мере, в какой оно служит наименее обеспеченным [Ролз, 1995]. Эти идеи чрезвычайно популярны и находят свое отражение в рекомендациях для социальной и налоговой политик, регулирования трудовых отношений как за рубежом [Atkinson, 2015], так и в России [Гонтмахер, 2015].

Второй подход апеллирует к негативным последствиям от государственного воздействия. А.Смит, анализируя заработную плату и прибыль, писал о неравенствах, обусловленных самим характером занятий, и неравенствах, вызываемых вмешательством государства [Смит, 1962, с. 88—119]. Причины неравенства, обусловленного влиянием государства, Смит считает более значимыми и называет три способа их возникновения: *«Во-первых, ограничивая конкуренцию в некоторых промыслах меньшим числом людей, во-вторых, усиливая конкуренцию в других промыслах сравнительно с тем, что было бы при естественных условиях; в-третьих, стесняя свободный переход труда и капитала от одного промысла к другому и с одного места в другое»* [Смит, 1962, с. 102]. Подход Смита не утратил своей актуальности и сегодня, однако его «Исследование...» вышло в свет в XVIII в., когда системы социального и в том числе пенсионного обеспечения созданы не были, поэтому его критика относится к государственному регулированию в целом, но не к сфере социальной защиты.

Л. Мизес как один из наиболее ярких критиков социального обеспечения в основном делает акцент на неэффективное использование капитала и ликвидацию системы частных сбережений [Мизес, 2008, с. 789—798]. В период его жизни и творчества системы социального обеспечения лишь только зарождались, и поэтому оценить все аспекты их существования не представлялось возможным. В работах его учеников Ф. Хайека и М. Роттбарда критикуются теории, направленные на достижение равенства, а природа неравенства сводится к естественным причинам [Ротбард, 2010, с. 317; Хайек, 2011, с. 352—354]. М. Фридман ставит под сомнение прогрессивное налогообложение как способ снижения неравенства [Фридман, 2006, с. 199], а также показывает негативные последствия от применения правительством мер социальной политики: введения минимального размера оплаты труда, социального жилищного строительства, страхования по старости [Фридман, 2006, с. 205—224].

На связь между социальным неравенством и политикой welfare state обращает внимание Г. Эспинг-Андерсен: *«A more basic question, it seems, is what kind of stratification system is promoted by social policy. The welfare state is not just a mechanism that intervenes in, and possibly corrects, the structure of inequality; it is, in its own right, a system of stratification»* [Esping-Andersen, 1990, p. 23].

Не ново представление о взаимосвязи неравенства и государственной политики в российской социологической мысли. Рассматривая социальную систему советского общества, О. Шкаратан подчеркивает, что «советская социальная политика в реальности была политикой защиты интересов номенклатуры, хотя внешне эта политика представлялась как политика защиты интересов трудящихся» [Шкаратан, 2012, с. 162]. В. Найшуль, сравнивая «собесовскую» советскую систему и рыночную в США, говорит о значительном превышении неравенства в доходах в СССР, чем в США [Найшуль, 1989].

Анализ неравенства в пенсионных системах типа pay-as-you-go в конце XX — начале XXI в. главным образом сосредоточен на исследовании социальных конфликтов между налогоплательщиками, выгодоприобретателями и будущими поколениями [Котликофф, Бернс, 2005], обусловленных демографическими изменениями второй половины XX в. Дальнейшая эволюция систем пенсионирования вскрывает целый ряд ранее незаметных проблем: одна из них связана с появлением нового вида неравенства среди претендентов на получение государственных пенсий.

Пенсионное неравенство: понятие, формы, причины

Пенсионное неравенство как разновидность социального неравенства возникает в процессе формирования и получения пенсионного блага (пенсионный процесс) и сводится к субъектным дифференциациям в результате приобретения пенсионных прав и впоследствии пенсионных благ. Под пенсионным благом понимается вся совокупность денежных выплат, товаров и услуг, получаемых в рамках действующей пенсионной системы индивидом в связи с приобретением статуса «пенсионер». Наиболее распространенной формой пенсионного блага в практике современных государств является пенсия [Мосейко, 2009].

Неравенство может быть представлено в разных формах. О. Шкаратан предлагает рассматривать его в аналогичных формах, присущих равенству, а именно: 1) равенство/неравенство личностное; 2) равенство/неравенство возможностей достигнуть желаемых целей (равенство шансов); 3) равенство/неравенство условий жизни (благосостояние, образование и т.д.); 4) равенство/неравенство результатов [Шкаратан, 2012, с. 38]. В экономической литературе рассматриваются и другие формы неравенства, например, неравенство уязвимости (*vulnerability*), неравенство в рамках жизненного курса (*life course prospective*) и т.д. Наиболее популярен анализ неравенства благосостояния, измеряемого посредством доходов и расходов (потребления).

Приобретение пенсионного блага длительно: в страховых пенсионных системах оно возникает с момента начала трудовой деятельности в легальном секторе экономики и уплаты налогов [Pension at a Glance...,

2015], благодаря чему формируются пенсионные права и пенсионный капитал, необходимые для получения пенсионного блага в будущем.

«Зарабатывание» пенсии включает в себя следующие стадии: первичный выход на рынок труда и трудовая деятельность; получение пенсионных прав, минимально необходимых для получения конкретного вида пенсионного блага в будущем (например, выработка льготного стажа); получение пенсионного блага и его улучшение при имеющихся возможностях (увеличение размера фиксированной выплаты при достижении возраста 80 лет, перерасчет для работающих пенсионеров, индексация и т.д.).

Первичный выход на рынок труда происходит в молодом возрасте, в среднем возрасте приобретаются пенсионные права при осуществлении трудовой деятельности, и, наконец, в пожилом возрасте достигается сама возможность получения пенсионного блага.

Таблица 1

Пенсионный процесс формирования и получения пенсионного блага

Этапы приобретения пенсионного блага	Возрастные категории	Проявления неравенства в процессе приобретения пенсионного блага
Первичный выход на рынок труда и трудовая деятельность	25–44	Возможность трудоустройства в легальном секторе экономики Возможность трудоустройства с высоким уровнем дохода
Получение пенсионных прав в рамках трудовой деятельности, минимально необходимых для получения конкретного вида пенсионного блага в будущем	44–60	Приобретение преференций для получения в дальнейшем пенсионного блага
Получение пенсионного блага и его улучшение при имеющихся возможностях	От 60	Дифференцированный пенсионный возраст

Источник: составлено автором.

В большинстве случаев первичное трудоустройство возникает до 25 лет во время или сразу после окончания учебы. В разных странах обнаруживаются особенности трудоустройства, обусловленные культурными и образовательными стандартами. В XX в. наметилась тенденция увеличения периода обучения: люди пытаются получить хорошее образование и для этого затрачивают гораздо больше времени, чем раньше [Becker, 1962]. Отсюда, средний возраст выхода на рынок труда также увеличивается. В России окончание школы происходит в 16–18 лет, после чего в большинстве случаев обучение продолжается в колледжах или вузах до 20–23 лет. В 2014 г. на долю лиц, не достигших 20-летнего возраста, приходилось только 0,8% в общей возрастной структуре за-

нятости; на долю лиц до 25 лет — 8,5%; от 25 до 44 лет — 52,4% [Труд и занятость, 2015, с. 26]. В 2014 г. 31,5% занятых имели высшее образование, в то время как в 2005 г. их доля была 25,3% [Труд и занятость, 2015, с. 31].

В целях формирования пенсионных прав важно наличие рабочих мест в легальной экономике, их отсутствие предопределяет неравенство возможностей в трудоустройстве. Учитывая размер неформального сектора, его региональные особенности, а также структурные характеристики, можно обозначить основные параметры неравенства возможностей на начальном этапе формирования пенсионного блага в зависимости от места жительства и выбора рода деятельности. Так, по данным [Сонина, Цепляева, 2014], в 2013 г. численность занятых в неформальном секторе экономики составила 16 млн чел. и неравномерно распределилась в регионах (например, в Санкт-Петербурге теневая занятость охватывала 2,2% от занятого населения в этом регионе, в Москве — 3,7%, наибольшее значение теневой занятости (40%) на Северном Кавказе) и отраслях (торговля, с/х, строительство представлены наибольшей долей неформальной занятости).

Не менее важным условием формирования пенсионного блага является уровень дохода, который во многих концепциях социального неравенства рассматривается в качестве основного фактора [Rothman, 1999]. В Российской Федерации пик дохода приходится на возраст 30 лет, далее доход начинает снижаться, при этом максимальный уровень зарплаток россиян превосходит показатель возрастной группы 15–20 лет всего в полтора раза [Косова, 2015]. В условиях высокого уровня неравенства по доходам (коэффициент фондов в 2014 г. в Российской Федерации составил 16, а коэффициент Джинни — 0,416 [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 158]) существуют профессиональные и возрастные группы с различным уровнем возможностей формирования пенсионных прав. Отдельного внимания заслуживает широкая распространенность занятости в госсекторе (27,6% занятых в экономике работают в организациях государственной или муниципальной форм собственности [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 111]), где государство-работодатель устанавливает нормативы доходов и тем самым определяет ориентиры социальной структуры класса бюджетников.

В средней возрастной группе (44–60 лет) происходит окончательное формирование пенсионных прав: выработка минимально необходимого страхового стажа, накопление пенсионных баллов, достижение пенсионного возраста и, возможно, приобретение пенсионных преференций: профессиональных — за особые условия труда или статусных — привилегии за социальное положение.

Пенсионные льготы формируют так называемый институт досрочных пенсий. Многие эксперты называют этот институт в современ-

ном пенсионировании проблемным и отмечают несправедливость его устройства [Синявская, 2005; Малева, Синявская, 2005]. Проведенные в нашей стране исследования показывают, что далеко не во всех случаях, предполагающих досрочный выход на пенсию, наблюдается снижение трудоспособности из-за условий труда или жизнедеятельности. По данным ПФР, в 2010 г. свыше 73% получателей досрочных пенсий, не достигших общеустановленного пенсионного возраста, продолжали работать, причем 3/4 — на тех же рабочих местах. Известно также, что в 2010 г. 30% новых назначений пенсий составляли досрочные пенсионеры по старости, а средний фактический пенсионный возраст в 2011 г. составил у мужчин 53,7 лет, а у женщин — 52,5 года [Синявская, 2014].

Современные правила досрочного пенсионирования способствуют формированию неравенства возможностей и активно закрепляют его в средней возрастной группе (45–60 лет), когда пенсионные льготы становятся выгодоприобретателями. Благодаря дополнительному доходу в активной фазе своего жизненного цикла у них появляются большие возможности для формирования и модернизации личностных стратегий активного долголетия, которые могут предусматривать дополнительный отдых, смену деятельности, переезд и т.д. Институт досрочных пенсий, таким образом, формирует не только неравенство возможностей, но и неравенство в рамках жизненного курса.

Более того, функционирование института досрочных пенсий порождает так называемый эффект Матфея [Merton, 1996], суть которого сводится к тенденции роста привилегий и углублению дискриминации: появившись однажды, преференции сохраняются на длительные годы. А поскольку сокращение сословных привилегий часто бывает непопулярно в социальной среде и рискованно для политической карьеры, то при одновременной ограниченности финансовых ресурсов, усугубляющейся в периоды экономических спадов, происходит ухудшение положения остальных групп пенсионеров.

Переход в категорию пенсионеров в возрастной группе 45–60 лет сопряжен не только с досрочным выходом на пенсию, но и с гендерными различиями в пенсионном возрасте, вызывающими пенсионное неравенство возможностей. Среди экспертов нет однозначного мнения по поводу справедливости применения пониженного пенсионного возраста для женщин. В качестве оправдывающего аргумента рассматривают двойственность социальной роли женщины-матери и женщины-работника [Захаров, Тучкова, 2002, с. 210–211], критикуя, приводят данные о более высокой продолжительности жизни женщин в сравнении с мужчинами (ожидаемая продолжительность жизни при рож-

дении в 2014 г. для женщин составила 75,43 года, для мужчин — 64,07 [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 90]).

Отсрочка пенсионного возраста, введенная в 2015 г., вряд ли повлияет на снижение пенсионного неравенства, вызванного досрочными пенсиями и более ранним выходом на пенсию для женщин, поскольку, во-первых, эта мера, вероятно, не будет популярной [Мосейко, Фролова, 2016], а во-вторых, точка отсчета определяется дифференцированным пенсионным возрастом.

Большинство в группе пожилых (от 60 лет) являются получателями пенсионного блага, поэтому пенсионное неравенство приобретает здесь новые формы.

Таблица 2

**Основные формы пенсионного неравенства
в группе пожилых пенсионеров**

	Основные формы пенсионного неравенства			
	неравенство возможностей	неравенство в доходах	неравенство в рамках жизненного курса	неравенство в потреблении
Проявления пенсионного неравенства	Дифференцированный пенсионный возраст Досрочные пенсии	Средний размер отдельных видов пенсий Ограничение максимального размера пенсии	Молодые пенсионеры благодаря более раннему выходу на пенсию приобретают возможность изменить свою жизнь (смена работы, использование пенсии как дополнительного дохода)	Возможно при выходе на пенсию пенсионеры из сельских мест, благодаря личному подсобному хозяйству имеют более высокий уровень потребления продуктов питания, а вот городские пенсионеры лучше обеспечены услугами (например, медицинскими)

Источник: составлено автором.

Одной из наиболее очевидных форм неравенства в группе пожилых является пенсионное неравенство в доходах. В его рамках выделяется широкий спектр вопросов, среди них неравенство в доходах в трудовой и нетрудовой периоды; неравенство в размере пенсии между российскими и зарубежными пенсионерами; неравенство среди получателей разных видов пенсионного обеспечения; неравенство между пенсионерами, получающими страховые пенсии и социальные пенсии; бед-

ность российских пенсионеров как нижняя часть распределения пенсионных доходов и др.¹.

Относительный уровень пенсионных доходов оценивается через коэффициент замещения (соотношение средней пенсии и средней заработной платы), который по международным стандартам должен составлять не менее 40%. В 2002 г. коэффициент замещения составлял 31,6%, в 2003 г. — 29,8% и с тех пор ежегодно снижался вплоть до 2008 г., когда он составил 24,3%, начиная с 2009 г. коэффициент замещения начал заметно расти (27,9%) [Российский статистический ежегодник, 2010, с.181] и достиг 35,7% в 2010 г. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149]. Впоследствии коэффициент замещения продолжил падение (33,2% в 2014 г. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149]), демонстрируя неравенство доходов в трудовом и пенсионном периодах.

Более детальный анализ системы пенсионного обеспечения выявляет множество проявлений неравенства доходов по разным видам пенсионного обеспечения: например, средний размер пенсии по старости в 2014 г. составил 11 569 руб., в то время как средний размер пенсии для государственных гражданских служащих в тот же период составил 15 550 руб. [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 150].

В ряде случаев, напротив, обнаруживается равенство в доходах или по крайней мере приближение к нему, однако за уравниванием в доходах скрываются другие формы неравенства, главным образом связанные с реализацией потенциальных возможностей и соответственно жизненного курса.

Начиная с 2010 г. в России применяется практика, согласно которой пенсии не могут быть ниже установленного прожиточного минимума в регионе. При назначении пенсии с размером ниже прожиточного минимума пенсионеру полагается доплата до установленного размера. Эта мера приводит к амбивалентным последствиям. С одной стороны, реализуются идеи социальной справедливости: пенсия, действительно, не должна быть ниже прожиточного минимума. С другой стороны, доплаты до минимального порогового уровня зачастую создают ситуации, когда размер пенсионной выплаты ранее не работавшего пенсионера незначительно отличается от размера пенсии имеющего длительный период трудового/страхового стажа.

Подобного рода несправедливость проявляется в конкретных примерах. Однако ее можно проиллюстрировать через количественное соотношение прожиточного минимума пенсионера, соответствующего, по сути, минимальному размеру пенсии, и средним размером пенсии.

¹ Следует иметь в виду, что наш анализ сосредоточен исключительно на пенсионных доходах пенсионеров, зарегистрированных в системе ПФР.

**Соотношение среднего размера назначенных пенсий
с величиной прожиточного минимума пенсионера, %**

Годы	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума пенсионера, %	97,8	165,4	163	176,5	165,4	163

Источник: [Российский статистический ежегодник, 2015, с. 149].

Из таблицы видно, что в 2005 г. размер средней пенсии соответствовал прожиточному минимуму пенсионера (ПМП), а в настоящий момент превышает ПМП чуть более чем в 1,5 раза.

При решении одних проблем по устранению неравенства между отдельными социальными группами одновременно порождаются социальные конфликты другого качества, сопряженные с новыми проявлениями социального неравенства. Так, введение с 2015 г. минимального уровня пенсионных коэффициентов потенциально создает ситуацию, когда, достигнув пенсионного возраста и при наличии минимально необходимого страхового стажа, не будет накоплено необходимое количество баллов, что означает отказ в назначении пенсии [Мосейко, Фролова, 2016] и формирование социальной структуры в группе пожилых. Новые правила индексации пенсии, распространяющиеся только на неработающих граждан, формируют пенсионное неравенство возможностей между работающими и неработающими пенсионерами.

Еще одна значимая форма неравенства — это неравенство в потреблении. Анализируя потребление, важно понять, как меняется его структура при выходе на пенсию и далее при переходе из группы пожилых (60–75 лет) в старческую группу (75–90 лет) и старше. Многочисленные исследования по странам мира, как правило, подтверждают факт снижения потребления при выходе на пенсию [Ниворожкина и др., 2010]. Однако разумно полагать, что имеется существенная разница в потреблении работающих и неработающих пенсионеров (есть данные по снижению потребления на 20,6% для лиц, вышедших на пенсию и прекративших трудовую деятельность [Ниворожкина и др., 2010]); пенсионеров в пожилой и старческой возрастных группах в силу естественного старения и вследствие этого изменения структуры интересов и потребностей.

Динамика реальных доходов пенсионеров изменяет объемы и структуру потребления. Реальный размер назначенных пенсий начал снижаться с 2011 г., в 2014 г. составил 100,9% к предыдущему году [Рос-

сийский статистический ежегодник, 2015, с. 149] и привел к снижению потребления для тех пенсионеров, у которых пенсия является единственным или основным источником дохода. С другой стороны, снижение реальных доходов часто сопровождается изменением жизненного курса человека: в целях удовлетворения базовых потребностей начинают создаваться или активнее разрабатываться личные подсобные хозяйства (ЛПХ). И в этой связи уровень потребления продуктов питания у пенсионеров, имеющих ЛПХ, может быть значительно выше.

Эксперты в области геронтологии в последнее время говорят о низком стандарте потребления пожилых лиц в России в сравнении с современными стандартами потребления: речь идет о доступности социальной инфраструктуры. При этом в ряде исследований подчеркивается возрастающий уровень депривации в связи с инвалидностью, переходом из одной возрастной группы в другую, безработицей, проживанием в сельской местности.

Таким образом, на каждом из этапов пенсионного процесса, который в данной работе рассматривается в соответствии с возрастными группами 25–44 года, 44–60 лет, 60–75 лет, как при формировании пенсионных прав, так и при непосредственно получении пенсионного блага наблюдается пенсионное неравенство, вызванное разнообразными причинами.

Одним из источников пенсионного неравенства является пенсионная политика, в рамках которой происходит воздействие на социальную структуру занятых в экономике (будущих пенсионеров) и выгодоприобретателей (пенсионеров). Наиболее отчетливым примером проявления пенсионного неравенства вследствие пенсионной политики является неравенство из-за пенсионных привилегий по гендерному принципу, профессии, статусу.

Заключение

Феномен социального неравенства волновал экономистов с самого зарождения экономической науки. Многочисленные работы рассматривают те или иные аспекты социального неравенства. Однозначного ответа на вопрос, каковы истинные причины неравенства, нет до сих пор. В качестве основ социального неравенства выдвигаются самые разнообразные основания.

Государственное регулирование экономики рассматривается как одна из причин социального неравенства еще со времен Адама Смита. Им было положено начало рассмотрению негативного влияния государства на социальное неравенство. Впоследствии такой подход был развит в работах других представителей экономической мысли. Противоположная позиция, напротив, вызывает к недостаточности го-

сударственного вмешательства в социально-экономическую сферу: усиление позиций государства в регулировании социальных отношений может способствовать сокращению социального неравенства.

Одним из видов социального неравенства является пенсионное неравенство, которое представляет собой дифференциации в различных возрастных группах, возникающие в рамках пенсионного процесса при формировании и получении пенсионного блага. Пенсионное неравенство может быть представлено в тех же формах, что и социальное неравенство.

В ходе проведенного исследования пенсионного неравенства в системе государственного пенсионного страхования была обнаружена связь между политикой преференциального пенсионного обеспечения и возникновением пенсионного неравенства возможностей, жизненного курса и доходов, главным образом в средней возрастной группе.

Список литературы

1. *Гонтмахер Е.* Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 68–81.
2. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
3. *Захаров М. Л., Тучкова Э. Г.* Право социального обеспечения: Учебник. 2-е изд., испр. и перераб. — М.: Издательство БЕК, 2002. — 560 с.
4. *Иноземцев В.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. — 2000. — № 6. — С. 67–77.
5. *Косова Л.* Третий возраст: социальное самочувствие // Демоскоп Weekly. — 2015. — № 667–668. [Электронный ресурс]. Возрастная кривая дохода. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php> (дата обращения: 13.06.2016).
6. *Котликофф Л., Бернс С.* Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 348 с.
7. *Кругман П.* Кредо либерала / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В. Л. Иноземцева. — М.: Изд-во «Европа», 2009. — 368 с.
8. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы / Серия «Аналитические доклады НИСП». — М.: Поматур, 2005. — 76 с.
9. *Мизес Л. Фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2008. — 878 с.
10. *Мосейко В. В., Фролова Е. А.* Институциональные инновации российского пенсионного обеспечения и их влияние на пенсионные стратегии индивидов // Вестник УрФу. — 2016. — № 2. — С. 277–296.

11. *Мосейко В. В.* Пенсия в условиях современной социально ориентированной рыночной экономики // Вестник ТГУ. — 2009. — № 318. — С. 173–175.
12. *Назар С.* Путь к великой цели: история одной экономической идеи / Пер. с англ. А. Сатунина, Н. Шаховой. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 704 с.
13. *Найшуль В.* Проблемы создания рынка в СССР // Постигение. — М.: Прогресс. 1989. — 592 с.
14. *Ниворожская Л. И., Ниворожский А. М., Абазиева К. Г.* Модель разрывной регрессии как инструмент оценки изменений в потреблении при выходе на пенсию // Прикладная эконометрика. — 2010. — № 3. — С. 112–126.
15. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 813 с.
16. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. / Росстат. — М., 2015. — 728 с.
17. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Науч. ред. и пер. с англ. В. В. Целищева. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. — 536 с.
18. *Роттбард М.* Власть и рынок / Пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. Гр. Сапова. — Челябинск: Социум, 2010. — 418 с.
19. *Сен А. К.* Развитие как свобода. — М.: Новое издательство, 2004. — С. 432.
20. *Синяевская О.* Выигравшие и проигравшие в новой пенсионной реформе. Самые интересные доклады XV Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ, 2014. URL: <http://www.opes.ru/1686807.html> (дата обращения: 10.12. 2015).
21. *Синяевская О.* Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. — 2005. — № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (дата обращения: 24.06.2016).
22. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
23. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962.
24. *Сонина Ю., Цепляева Ю.* Россия: неформальная занятость как новый феномен. 27 февраля 2014. Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analitics/2014/neformaltrudF.pdf> (дата обращения: 12.07.2016).
25. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. — М.: Эксмо, 2015. — 291 с.
26. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — 274 с.
27. *Фридмен М.* Капитализм и свобода / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2006. — 420 с.
28. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2007. — 588 с.
29. *Хайек Ф.* Либерализм / Индивидуализм и экономический порядок. — С. 352–354 / Пер. с англ. О. А. Дмитриевой под ред. Р. И. Капелюшников. — Челябинск: Социум, 2011. — 394 с.
30. *Шкаратан О.* Социология неравенства. Теория и реальность // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

31. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
32. *Эспинг-Андерсен Г.* Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 241–266.
33. *Atkinson A. B.* Inequality, What Can Be Done? — Harvard University Press, 2015. — 400 p.
34. *Barber B. R.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. — University of California Press, 1984. — 320 p.
35. *Becker G.S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70. — No. 5. — Part 2. — P. 9–49.
36. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 34 p.
37. *James K. Galbraith,* Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just before the Great Crisis. — New York: Oxford University Press, 2012. — 336 p.
38. *Merton R. K.* The Matthew Effect // R. K. Merton on Social Structure and Science / Ed. by P. Szotompa. — Chicago: The University of Chicago Press, 1996. — P. 318–338.
39. Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators. Available at: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/8115201e.pdf?expires=1473876367&id=id&accname=guest&checksum=8D9E746ACAD25304E2212988DE068FCF> (Retrieved: 15.08.2015).
40. *Rothman R. A.* Inequality and Stratification: Race, Class & Gender. — Prentice-Hall, 1999–XIII.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Gontmakher E. Sh.* Rossiiskie sotsial'nye neravenstva kak faktor obshchestvenno-politicheskoi stabil'nosti (Russian social inequalities as a factor of public-political stability) // Voprosy ekonomiki. — 2013. — № 4. — S. 68–81.
2. *Giddens A.* Sociologija / Per. s angl.; nauch. Red. V.J. Jadov; obshh. red. L. S. Gur'jevoj, L. N. Posilevicha. — M.: Jeditorial URSS, 1999. — 703 s.
3. *Zaharov M. L., Tuchkova J. G.* Pravo social'nogo obespechenija: Uchebnik. 2 izd., ispr. I pererab. — M.: Izdatel'stvo BEK, 2002. — 560 s.
4. *Inozentsev V.* «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshhestve // Sociol. Issled. — 2000. — № 6. — S. 67–77.
5. *Kosova L.* Tretij vozrast: social'noje samochuvstvie // Demoskop Weekly. — 2015. № 667–668. [Electronyj resource]. Vozrastnaja krivaja dohoda. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0667/tema05.php> (Retrieved: 13.06.2016).
6. *Kotliroff L., Berns S.* Pensionnaja sistema pered burej: To, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushhem svyjtj strany. — M.: Al'pina Biznes Buk, 2005. — 348 s.
7. *Krugman P.* Kredo liberal // Centr issleovanij postindustrial'nogo obshhestva; Vstup. stat'ja V. L. Inozemceva. — M.: Izd-vo «Evropa», 2009. — 368 s.

8. *Maleva T. M., Siniavskaja O. V.* Pensionnaia reforma v Rossii: istoriia, rezul'taty, perspektivy [Pension reform in Russia: history, results, prospects]. Seria «Analiticheskie doklady NISP». — M.: Poma-tur Publ., 2005. — 76 s. (In Russian).
9. *Mizes L. Fon.* Chelovecheskaja deatel'nost': tractat po ekonomicheskoi teorii / Per. s 3 ispr. angl. izd. A. V. Kurjaeva. — Cheljabinsk: Socium, 2008. — 878 s.
10. *Moseiko V. V., Frolova E. A.* Institucional'nye innovacii rossijskogo pensionnogo obespechenia I ih vliianie na pensionnye strategii individov // Vestnik UrFU. — 2016. — № 2. — S. 277–296.
11. *Moseiko V. V.* Pensija v uslovijah sovremennoj social'no orientirovannoj jekonomiki // Vestnik TGU. — 2009. — № 318. — S. 173–175.
12. *Nazar S.* Put' velikoi celi: istorija odnoj jekonomicheskoi idei/per. s angl. A. Satunina, Y. Shahooj. — M.: AST: CORPUS, 2013. — 704 s.
13. *Najshul V.* Problemy sozdaniia rynka v SSSR // Postihenie. — M.: Progress, 1989. — 592 s.
14. *Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Abazieva K. G.* Model razryvnoi regressii kak instrument oenki izmenenij v potrblenii pri vyhode na pensiju // Prikladnaja jekonometrika. — 2010. — № 3. — S. 112–126.
15. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2010: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2010. 813 s.
16. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2015: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2015. 728 s.
17. *Rolz Dzh.* Teoriia spravedlivosti / Nauch. red. i per. s angl. V. V. Celihheva. — Novosibirsk: Idatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1995. — 536 s.
18. *Rottbard M.* Vlast i ryok / Per. s angl. B. S. Pinskner po red. Gr. Sapova. — Cheljabinsk: Socium, 2010. — 418 s.
19. *Sen A. K.* Razvitie kak svoboda. — M: Novoe izdatel'stvo, 2004. — 432 s.
20. *Sinjavskaja O.* Vyigraevshie i proiravshie v novoi pensionnoi reforme. Samye intersnyie doklady XV Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. URL: <http://www.opec.ru/1686807.html> (Retrieved: 10.12.2015).
21. *Sinjavskaja O.* Kaka povyshat pensionnyj vorast v Rossii // Otechestvennye zaiski. — 2005. — № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (Retrieved: 24.06.2016).
22. *Smelzer N.* Sociologia: per. s angl. — M.: Feniks, 1994. — 688 s.
23. *Smit A.* Issledovanie o prirode I prichinah bogatstva narodov. — M.: Socjkgiz, 1962.
24. *Sonina J., Cepljaeva J.* Rossija: neformal'naja zanjatost' kak novyj fenomen. 27 fevralja 2014. Centr makrojekonomicheskikh issledovanij Sberbanka Rossii. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (Retrieved: 12.07.2016).
25. *Stiglic Dzh.* Cena neravenstva. Chem rassloeie obshhestva grozit nashemu budushemu. — M.: Jeksmo, 2015. — 291 s.
26. Trud b zanjatost' v Rossii. 2015: Stat. sb. / Rosstat. — M., 2015. — 274 s.
27. *Fridmen M.* Kapitalizm i svoboda / Per. angl. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. — 420 s.
28. *Fukujama F.* Konec istorii I poslednij chelovek / Per. s angl. M. B. Levina. — M.: AST, 2007. — 588 s.

29. *Hajek F.* Liberalism / Individualism i jekonomicheskij porjadok. S. 352–354 / Per. s angl. O. A. Dmitrievoy pod red. R. I. Kapeljushnikova. — Cheljabinsk: Socium, 2011. — 394 s.
30. *Skaratan O.* Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost' // Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». — M.: Izd. dom vysshej shkoly, 2012. — 512 s.
31. *Shtompka P.* Sociologia. Analiz sovremennogo obshhestva / Per. c pol'sk. S. M. Chervonnoj. — M.: Logos, 2005. — 664 s.
32. *Jespersen G.* Dva obshhestva, odna sociologija i nikako teorii // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. — 2008. — T. 6. — № 2. — S. 241–266.